

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Этого дня Варвара панически боялась, хотя и ожидала его приближения с чувством безысходной обреченности. И если чего-то хорошего можно ждать годами, а оно все не приходит и не приходит, то плохое случается непременно и, как правило, строго по расписанию, не заставляя себя долго ждать. Так и вышло. Не сработали ни мышинная возня, громко называемая «активными поисками», ни периодически применяемая тактика засовывания головы в песок — «пауза для осмысления ситуации», ни анабиоз, в который она пару раз впадала в тайной надежде, что по выходе из него все само собой чудесным образом преобразуется. Но ничего не преобразовывалось, не осмысливалось, не находилось. На счету зарплатной (совсем не смешно) карточки оставалось 23 рубля, а в кошельке печальным, если не сказать погребальным, звоном погромыхивала мелочь. Сегодня она напоминала Варваре серебристые чешуйки мелкой плотвы — вроде не сов-

сем пусто, но на самом деле — полный ноль. Ревизия кухонных ящиков показала, что в наличии остались два пакетика пшенной каши, незаконченная упаковка гороха, вермишель на одну порцию и подсолнечное масло — оно желтело на дне бутылки, не обещая ничего, кроме основы для одной-единственной яичницы. Впрочем, яиц (маленьких, самых дешевых, второй категории) и было лишь на одну глазунью. Еще в холодильнике фигурировали ничтожный кусочек сыра и остатки сливочного масла на порцию каши. Хлеба не было, мука если и имелась, то приготовить из нее Варвара все равно ничего не смогла бы: во-первых, не умела, во-вторых, к муке ведь нужны еще какие-то ингредиенты, а где их взять? Варвара подсчитала оставшийся картофель — четыре не очень презентабельных проросших клубня. Сколько ей предстоит прожить с такими ресурсами, Варвара не имела ни малейшего представления. Зато другие перспективы вырисовывались более или менее отчетливо: через неделю, если девушка не оплатит счет, у нее отключат интернет, денег на телефоне тоже практически не осталось. Связь с внешним миром истончалась с каждой минутой, и Варя ощущала это почти физически. Она даже перестала наведываться в шкафчик, где бережно

хранила свои карты Таро, к которым раньше обращалась по любому поводу, и книги, над которыми дрожала и перечитывала по сто раз. Некоторые Варя покупала сама, чтобы совершенствовать мастерство и множить знания о предмете, некоторые удавалось по случаю достать маме. Среди маминых находок были и редкие экземпляры. Только вот гадать теперь Варе не хотелось: прогнозы выпадали плохие, ничего радостного в раскладах Варвара не видела. И когда гадания стали отнимать слишком много эмоций и душевных сил, Варя просто перестала брать колоду в руки.

Сестре не позвонишь — раньше дня зарплаты беспокоить Соню нет смысла, у нее самой пусть и неплохое, но фиксированное жалование, да плюс двое детей и муж-жлобьяра, страшный, мягко сказать, эконом, которому на проблемы младшенькой Вари глубоко наплевать. Никаких мыслей не имелось, телефон молчал, сообщения не поступали, мессенджеры были девственно чисты, никто не проявлял к ней никакого интереса ни в соцсетях, ни как-либо иначе. Так плохо было не всегда, сравнительно недавно финансовая пропасть, в которую нынче так неумолимо катилась Варвара Семенова, даже ей самой не казалась глубокой. Оставшись без работы, первое время Варя не

склонна была излишне драматизировать ситуацию — с людьми происходят вещи и похуже, ей ли об этом не знать. Она закинула удочки повсюду, обзвонила всех хороших знакомых, повстречалась со всеми более и менее полезными людьми, разослала резюме и откликнулась на все не вызывающие опасений вакансии. Стала ждать. Она не голодала и даже не чувствовала себя так уж стесненно, потому что считала, что проблемы с работой временные. Она, конечно, уже не могла покупать новые вещи, посещать любимые заведения — неизвестно ведь, насколько растянется период неопределенности. Но с каждым днем омертвевший телефон усиливал ощущение, что эта неопределенность может затянуться. Скоро стало ясно, что растянуть надолго то, что осталось от мамы, не получится. Мама не любила дорогих украшений, не покупала их, потому продавать Варваре было уже почти нечего. После того как они с Соней поделили мамино наследство, у Вари остались оригинальная, увесистая золотая цепочка, два кольца с мелкими россыпями бриллиантов, довольно массивные серьги, подвеска, пара старинных монет и кое-что по мелочи. Имелось еще кольцо с одним бриллиантом весом в карат, но продавать его было чистым безумием: в скупке брали изде-

лия по весу золота, камни шли подарком ушлым девицам, которые объясняли всем клиентам, что реализовать изделия с драгоценными камнями можно только в ломбарде, выставив их на продажу за копейки. В ломбардах задорого изделия не брали, Варвара проверила, а дарить наглým девкам мамин бриллиант она не собиралась. В итоге она спустила все мамины украшения, кроме того самого кольца, потом свои собственные, куда менее значительные, сильно уступающие маминым в цене. Ресурсы таяли на глазах, а вопрос с работой не решался. Вернее, не то чтобы он не решался совсем: за весь полуторагодиçный период своего вынужденного простоя Варвара дважды устраивалась на работу, но оба раза крайне неудачно. Сначала ее порекомендовали на декретное место пресс-секретаря в государственный заповедник, и она пошла было, хотя из памяти еще не стерлось собственное мрачное и тоскливое библиотечное прошлое, но стоило ей выйти на работу, как декретная мамаша резко поменяла планы и Варвару вежливо выбросили из темного пыльного кабинетика, лишив надежды даже на маленькую зарплату. Потом она оказалась на бессмысленной и малоперспективной должности распространителя новой рекламной газеты, где проработала

всего месяц. Но рекламная периодика, вопреки честолюбивым и совершенно не основанным на рыночных реалиях планам хозяев проекта, рекламу не собирала. Деньги сотрудникам, соответственно, не выплачивались. Варвара уже физически ощущала, что скольжение вниз идет по все более крутой траектории, и жизнь меняется в худшую сторону куда более стремительно, чем она могла бы предположить в своих самых пессимистичных прогнозах.

Сначала она перестала посещать рынок и покупать свежее мясо. Во-первых, на рынок надо было ехать на такси, а Варя обнаружила, что траты даже на это незатейливое и в общем-то недорогое удовольствие стали неподъемны для ее кошелька. (Общественным транспортом после начала пандемии Варя не пользовалась ни разу.) Во-вторых, на рынке, раз уж тратишься на дорогу, надо было «затариваться» хотя бы на несколько дней, а строить планы дальше «здесь и сейчас» Варвара давно уже не могла. Так что из ее рациона сначала исчезли говядина, домашняя птица и хорошие овощи. Их заменили дешевые магазинные куриные ножки, крылья и печенка, а также товары, ценники на которых обещали сниженную цену. Вслед за качественными

продуктами куда-то запропастились приятели и подружки, коллеги, сокурсники, не говоря уже о просто знакомых. Постепенно Варя перешла на копеечный шампунь российского производства, а от гелей для душа отказалась вовсе, потом перестала красить голову, и ее волосы вернули себе природный мышиный цвет. Но и это было еще не самое худшее. В один момент девушка обнаружила, что продавать больше нечего, а подработки совсем не стало. Долги за коммуналку выросли до таких сумм, которые Варвара предпочитала не знать: она складывала счета в файллик, стараясь не заглядывать в них, чтобы не усугублять прогрессирующую депрессию. Пришлось предложить свои услуги доброй знакомой, хозяйке маникюрного салона, где раньше Варвара холила свои ногти. Теперь же она два раза в неделю мыла в салоне полы и чистила раковины, зная, что хозяйка — женщина деликатная и, сочувствуя ее обстоятельствам, не станет болтать о ее бедственном положении при общих знакомых. Денег стало не просто не хватать, близилась полная финансовая катастрофа. И посоветоваться было не с кем, мама ушла и никогда больше не вернется...

Пока была жива Вера Матвеевна, Варя жила как за каменной стеной. Мама была не

только мерилom всех жизненных ценностей, но и надежным форпостом в повседневной жизни. Вера Матвеевна Семенова являлась специалистом, к которому страждущие выстраивались в очередь. Чтобы попасть к ней в обход задолго распланированного расписания, нужно было обладать особыми знакомствами. Покойная мама Варвары Семеновой была иглорефлексотерапевтом редчайшего таланта и уникальных знаний. Она была широко известна за рубежом, ее часто приглашали на азиатские симпозиумы, семинары и конференции по акупунктуре, о ней упоминали в монографиях и статьях иностранные специалисты, журналисты часто брали у нее интервью, ее снимали в документальном кино не только региональные, но и столичные телеканалы. Словом, Варина мама была знаменитостью, но самое главное, действительно очень хорошим врачом и добрым, скромным человеком. Как у многих востребованных медиков, у нее имелись в этой жизни большие преимущества — для Веры Матвеевны были открыты все двери. К кому бы она ни обращалась, никто и никогда ни в чем ей не отказывал. Она помогала людям, и пациенты старались платить ей той же монетой. После «факультета невест», коим во все времена яв-

лялся филфак, Варвара на некоторое время оказалась в областной библиотеке имени Никитина на рядовой неприметной должности, но мама обещала, что ее пребывание там не будет долгим, и Варя поверила. Девочка ожидала рутины и библиотечной смертной скуки, но оказалось, что в священных стенах царят правила серпентария. Пожившие библиотекари возненавидели Варвару с первого дня. Не звали на чай, не обращались по имени, называя либо «голубушкой», либо «деткой», а за глаза активно обсуждали, куда именно метит новопривывшая: в вожделенную, но недосыгаемую синекуру — областной департамент культуры, куда библиотека входила как структурное подразделение, или в один из теплых кабинетов на втором этаже, где гнездилась администрация учреждения. Варвара абстрагировалась, делала вид, что ничего не замечает, и ждала, когда мама исполнит свое обещание. И в один прекрасный день — а он действительно был замечательным — мама отправила Варю к какому-то большому телевизионному начальнику, который обещал девушке место редактора в какой-то там редакции — от нахлынувшей волны восторга Варя даже не поняла, какой именно. Да и разве это имело значение? После унылых библиотеч-

но-террариумных будней само слово «телевидение» звучало как волшебная музыка.

Варваре повезло: она попала в коммерческий проект, бригаду, которая работала на серьезного мебельного олигарха, поставившего себе целью в кратчайший срок попасть на региональный политический олимп. И, как поговаривали, попробовать себя на следующих губернаторских выборах. Олигарх был мужик умный, улыбчивый, позитивный, построивший бизнес своими предпринимательскими талантами, но ужасно косноязычный и словоблудный. Если его начинало нести, было невозможно предугадать, куда в итоге вывезет. На телевидении, где каждая секунда была считана, да еще и стоила безумных денег, такой формат не предусматривался, поэтому с магнатом работали сразу несколько человек. Сначала к нему выезжал корреспондент, который записывал интервью — то есть все мысли и то словоблудие, на которое господин Черемушкин оказывался способен, потом текст расшифровывался и попадал к руководителю бригады — Вике Бегуновой. Вика сама писать то ли не умела, то ли просто не хотела, но правильно ставить задачи у нее получалось. От нее Варвара получала указание, какие именно мысли должны прозвучать

в эфире, а уж делом Вари было отредактировать расшифрованное интервью таким образом, чтобы в нем не осталось ничего лишнего. Ну и чтобы звучало все красиво и объемно. После Вариной обработки текст вновь попадал к Вике, которая тщательнейшим образом размечала его особыми знаками — здесь герой передачи должен улыбнуться, здесь сделать многозначительную паузу, а здесь просто поднять бровь... Что и говорить, Вика умела «подать» человека. В итоге, когда делали запись набело, оказывалось, что в студии вместо косноязычного мужика, у которого каждое веское слово удивительным образом обрастало долгими минутами невнятной бубнежки, которую трудно переварить, появлялся оратор, бьющий не в бровь, а в глаз. Это был многоступенчатый труд, но дело того стоило: команда телевизионщиков «вырастила» президента из мастера цеха. Некоторое время усиленной телевизионной дрессировки — и господин Черемушкин и вне студии стал говорить как по писаному. Ах какое это было счастливое время! Помимо положенных бригаде коммерческих выплат, магнат регулярно стимулировал свой коллектив, но разве дело только в деньгах? У них была сплоченная команда, маленькая, но очень дружная и про-

фессиональная. Это время было, без сомнения, самым счастливым в не такой уж и долгой жизни Варвары Семеновой.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Зазвездившись на региональном небосклоне, олигарх заявил о своих претензиях на высшую должность, и с ним стали договариваться. Видимо, этот сценарий и был конечной целью всего предприятия. Так или иначе, на губернаторскую должность он так и не выдвинулся, зато значительно (как утверждали знающие люди) расширил свой бизнес, а телевизионный проект потом закрыл за ненадобностью. Варвару никто не уволил, она еще долгое время работала на телевидении, редактировала тексты, идущие на сайт. А потом Вера Матвеевна скоропостижно умерла, и оказалось, что Варвара совершенно не готова к такому удару: она не на шутку разболелась, а когда вернулась на работу, от нее осталось только мокрое от слез место. Экономическое положение телекомпании больше не позволяло держать в штате редакторов. В общем, ее без сожаления сократили. Заступаться за девочку теперь было некому. Таким образом, на основании своего недолгого жизненного опыта Варя смогла сформулировать только один вывод: ничто хорошее действительно не

вечно, и только гадость, наполняющая жизнь, может не иметь краев.

«В честь кого же ты назвала меня, мамулечка? Зачем?» — часто мысленно сокрушалась Варя. Варвара — она же мученица, правда ведь? Неужели мудрая и добрая Вера Матвеевна не подумала об этом, когда решила, как назвать новорожденную девочку? Или на этом имени настоял отец, которого Соня не помнила, а Варя даже и не видела, так как к моменту ее перехода из младенческого в детский возраст его уже не было в живых? Так или иначе, а эффектные, успешные современные девушки носили любые имена, но только не это. Тезок своих Варя не знала ни одной. Вот она и оправдала свое имя в полной мере — мученица, страдальца с сомнительной внешностью, но неоспоримыми коммунальными долгами. Без копейки денег и малейших перспектив к исправлению жизненной ситуации. Уборщица с филологическим образованием. Не смешно.

Эдик не особенно верил в счастливые случайности, только в Случай. Именно так, с большой буквы. Не в удачные совпадения или приятные неожиданности, которые могут наполнить жизнь под завязку, так и не из-

менив ее кардинальным образом. А именно в него, великий Случай, который и выпадает-то далеко не каждому, но если уж выпал, то только один-единственный раз, повтора не жди — его не будет. Не сумел воспользоваться даром судьбы, значит, Случай поищет другого, более достойного. Того, кто готов распознать его среди разнообразной жизненной шелухи, кто увидит его, почувствует и в один миг осознает важность момента. Впустит его в себя, во всю свою кровь и плоть. Оценит его исключительность. А оценив, уже ни за что не упустит и не уступит никому другому.

До сих пор неожиданностей и случайностей в жизни Эдика происходило достаточно, но приятными и уж тем более счастливыми их назвать было нельзя. Порой они являлись к нему в образах птиц: огромной вороны, которая, пролетая мимо, каркнула так громко, что мальчик-подросток поскользнулся на обледеневшем участке тротуара, не удержал равновесия и выехал аж на проезжую часть. Можно ли сказать, что он счастливо отделался? Конечно, три недели в гипсе это вам не венки на могилке, но ведь вороны-то могло и не быть. Другой раз случайность явилась к нему в виде гадливого голубя, который обделался юноше прямо на ослепительно-

белую джинсовую куртку, на которую Эдик копил несколько месяцев. И произошло это прямо перед судьбоносным свиданием с девочкой, о которой он недавно и мечтать не смел. Но после ряда хорошо продуманных, правильных заходов девочка проявила благосклонность, и если бы не голубь, кто знает, как повернулась бы его [Эдика] жизнь... Но идти на свидание в обгаженной куртке было нельзя, опаздывать — тоже, ибо девочка была не из тех, кто покорно ждет задержавшегося. Пришлось смириться с судьбой. Фортуна и потом позволяла себе демонстрировать Эдику свое явное пренебрежение, но не вспоминать же о ее фортелях всю жизнь. Тем более сейчас, когда Случай, кажется, снизошел наконец до неказистой Эдикиной судьбы.

Не то чтобы текущая жизнь так уж сильно не устраивала 29-летнего Эдуарда Погорелова. Гневить бога, жаловаться он бы не стал. Люди говорят, что Господь этого не любит — и то, что есть, может отобрать, если проявлять неблагодарность. Жить было где. Почти два года назад брат Андрюха уехал в Индию, сумел как-им-то чудом раздобыть себе рабочий контракт за шикарную зарплату. Эдика он поселил в свою квартиру. Первое время он думал, что брат заделался в дауншифтеры — неужто

в Индии своих фармацевтов не хватает? — но потом бросил размышления на эту тему. Какая, в сущности, разница? Главное, чтобы был жив и здоров. Вообще-то Андрей умный, зарабатывал и здесь хорошо, но там, значит, еще лучше. Так что в квартире Эдуард жил хоть и на птичьих правах, но зато один, никто ему не мешал. Да и хата была ухоженная, чистенькая, с хорошей мебелью и уютными шторами на окнах. Одет-обут Эдик был не хуже других, Андрей часто шмотки присылал, фастфуда в рот не брал (разве что на службе иной раз приходилось, когда времени было совсем в обрез), а дома жарил себе отбивные из мраморной свиньи какой-то хитрой канадской породы, варил щи из говяжьих краешков, вкуснее которых для супа еще никто ничего не придумал. Если уж собирался выпить, то водку брал хорошую, а пиво предпочитал хоть и не самое дорогое, но чешское. Все по уму, как у приличных людей. И все равно хотелось чего-то большего. Не только в материальном смысле, а вообще. Из прошлой жизни, не такой устроенной и спокойной, жаль было только Маринку — вернее, не ее саму, ей-то что, она, насколько знал Эдик, и без него в полном порядке. А саму жизнь с Маринкой, счастливую и почти семейную.

Хотя они и ютились тогда в одной комнате в квартире у старушки Маши Пантелеевны, а жизнь все равно была какая-то радостная, правильная. И любовь в ней была, и надежда. Строго говоря, жаловаться на судьбу и сейчас не стоило, потому что карты она сдала Эдику не самые сильные, как хочешь ими, так и играй. Никакими особыми талантами он не обладал, образование имел всего лишь среднее специальное (и, заметим, неоконченное), энциклопедической эрудицией опять же похвастать не мог. Но были у него и положительные по всем меркам качества: внимательность, ловкость, сообразительность, если не сказать хитрость, умение схватывать на лету любую полезную информацию. Можно было этими полезными свойствами природы распорядиться и как-то более разумно, но достойных советчиков у Эдика не было (Андрей только и умел, что умничать), а у самого как-то не сложилось, не докрутилось, не срослось. Ну да ладно, не об этом теперь речь.

Два последних года Эдуард Погорелов трудился водителем и по необходимости экспедитором в одной конторе. Формальное название у фирмы было, но его никто не упоминал, какое-то консалтинговое агентство... А реально конторе оно вовсе было без надобности,

потому что занималась фирма обналом по заказу приличных и даже респектабельных бизнесменов, не шантрапы какой-нибудь. Казалось бы, зачем им, приличным, обнальщики? А оказалось, как раз очень просто: бизнесмены денежки считать умеют, и потому платить сотрудникам честные белые зарплаты желающих находится мало. То есть на карточки работникам поступают, конечно, какие-то минимальные суммы, но остальное они получают в конвертах. Поверите вы, например, что финансовый директор небедной строительной компании имеет оклад в двадцать тысяч рублей? Оклад, может, и имеет, а общую зарплату получает в восемь, а то и в десять раз больше белой суммы. И где, спрашивается, эту наличность брать? Правильно, в таких конторах, как та, где последнее время работал Эдуард Погорелов. Были и другие клиенты, у которых имелась нужда в наличности, но зачем да кто они, Эдику было неинтересно. Лишь бы ему исправно и вовремя платили зарплату, претензий к размерам которой он, кстати говоря, не имел.

Похожих контор в городе, насколько знал Эдик, было несколько, и не сказать чтобы правоохранные органы сильно интересовались их деятельностью. И вот совершен-

но неожиданно самая крупная из конкурирующих организаций оказалась под колпаком у полиции. Организатора и его ближайшего компаньона задержали и, говорят, даже нашли неопровержимые улики ведения подпольного бизнеса. Через несколько дней стало известно, что конкуренты подозреваются в организации незаконной банковской деятельности, и мера пресечения им избрана по нашим временам суровая — содержание под стражей. Но — опять же по слухам — суд проявил такую строгость, чтобы подозреваемые не смогли повлиять на свидетелей и организовать сокрытие улик. Добавляли, что через месяц-другой их отпустят на свободу, под домашний арест. Все это Эдик слышал от «коллег по службе», таких же, как он, шестерок, которые в свою очередь передавали то, что узнали от тех, кто был рангом повыше. Поначалу от таких новостей Эдику стало сильно не по себе: в кризисный год остаться без работы — врагу не пожелаешь. Перспектив устроиться на хоть сколько-нибудь приемлемую зарплату вот уже два года — с тех пор как началась всеобщая ковидная истерия — не было никаких. Бизнес работает нестабильно и не весь, многие и во все разоряются. А трудиться на государство Эдика тем более не пригласят: образованием

не вышел, да и всем остальным, признаться, тоже. Сейчас остаться без зарплаты означало выбор между двумя одинаково паскудными возможностями: либо таскать пиццу или продукты за ничтожные копейки, либо тырить кошельки. Одно сулило голодуху и полное изматывание, другому Эдик обучен не был. Можно пристать к мошенникам, которые работают на телефонах, податься в таксисты... Эдик уже перебирал в уме самые разные варианты, но пацаны его успокоили. Мол, одним конкурентом меньше — это очень даже хорошо. И даже намекнули, что кто, мол, его знает — не обошлось ли здесь без Полкана? Не он ли подсуетился, собрал материалчик и оказал бесценную помощь полиции в разоблачении воротил нелегального финансового рынка? А что? Полкан мог. Прозвище это принадлежало человеку, который занимался в конторе вопросами безопасности. Сам он раньше боролся с экономической преступностью, носил погоны, причем такие, что не стыдно. То ли подполковничьи, то ли даже полковничьи. Тонкостей этих Эдик не знал, но, во-первых, клички не с потолка берутся, а во-вторых, достаточно было, что и без этих знаний Полкана все боялись как огня. В том числе и Эдик.

По заведенному Полканом порядку, о том, куда экспедиторы повезут деньги, было неизвестно до самого последнего момента. Они узнавали адрес, только когда наличность погружалась «на борт». Это как раз понятно: зачем создавать молодым парням лишний соблазн? Иными словами, чтобы никому не пришло в голову заранее подготовить какую-нибудь хитроумную каверзу. Для того чтобы машина не свернула с маршрута, в ней был установлен специальный приборчик, который стрелочкой показывал маршрут на мониторах в конторе, так что ни вправо, ни влево не дернешься... Да никто и не попытался бы, в этом Эдик был уверен. Скрыться от Полкана, с его рабочими навыками, шансов было немного. Для того чтобы такое проверить, куш должен быть каким-то несусветным, но миллиардов контора не возила, это факт. Эдик тоже никогда ни о чем таком не помышлял, и даже в голову бы ему не пришло ничего похожего, если бы не Случай. Именно такой, который бывает раз в жизни. Не заметишь его,пустишь — и всё. Больше судьба тебя испытывать не станет как недостойную и неподходящую кандидатуру, не прошедшую конкурсный отбор.

Случай не открывается человеку запросто, сразу и во всей своей полноте. Вполне может

произойти и так, что вначале будут всякие мелочи и совпадения. Распознать в них начало чего-то большего может только тот, кого судьба решила испытать всерьез. Эдику Случай на блюде никто не подносил, некие факторы стали проявляться один за другим в течение нескольких дней, а то и недель. Смотря откуда начинать отсчет. Сначала слухи о неприятностях у конкурентов подтвердились публично — о них написали все региональные СМИ, и даже телевидение показало сюжет в выпуске новостей. То есть не болтали пацаны, все оказалось правдой. Потом все стали замечать, что работы прибавляется, и в конторе, где любому несанкционированному появлению чужих людей стараниями Полкана были созданы все мыслимые препоны, стали мелькать какие-то незнакомые лица. Причем на вполне «законных», то есть согласованных со службой безопасности, основаниях. Кстати или нет, но очередной виток заболеваемости пресловутым вирусом выкосил некоторое количество сотрудников: пара человек реально заболели, еще двоих, тех, кто близко контактировал, отправили на карантин домой, чтобы не разносили заразу, если она уже прилипла. Работы прибавилось, это было видно и по невиданной суете мальчиков-юристов, задействован-

ных на всякой там регистрации-ликвидации, и водителей, и экспедиторов. Никто, впрочем, не обижался, потому что за повышенные трудовые обязательства были обещаны хорошие премиальные. Из всего происходящего даже Эдику нетрудно дался вывод о том, что дело не только в болезнях-карантинах, но и в новых клиентах, которыми обзавелась контора. На этом фоне Эдику выпало поработать непосредственно на Биг-Босса — так в конторе называли главного. Именем его Эдик никогда не интересовался, для него эта информация была лишней. И тут ведь тоже якобы случайно все вышло.

В тот день ввиду напряженного рабочего графика Эдик проснулся пораньше, выпил кофе, сделал себе внушительный завтрак из оставшегося с ужина винегрета, хлеба с маслом и котлетки, купленной накануне в ближайшей кулинарии, которую Эдик уважал за качество блюд, разнообразное меню и приемлемые цены. Со второй чашкой кофе позволил себе хрустящую шоколадную вафельку. Слегка объелся, но это не беда, неизвестно ведь, когда теперь придется пообедать — вполне возможно, что сегодня опять будет много работы. Как в воду глядел. Не успел Эдик войти во двор, где располагался офис конторы, позвонил Полкан.

- Далеко?
- Доброе утро, вхожу уже.
- Хорошо, давай по-быстрому в аэропорт, надо встретить хозяина с московского рейса.
- А...
- Еще один заболел, давай пошевеливайся. Хозяин ждать не любит.

До этого момента Эдик Биг-Босса никогда не возил, у того был свой постоянный водитель, который, как выяснилось, тоже заболел. Стало даже немного волнительно: не сделать бы что-нибудь не так. Не то чтобы хозяин производил впечатление какого-то страшного человека, вовсе нет. Наоборот, с виду он был весь такой душечка: гладенький, холёный, всегда чисто выбритый. Приятный, даже, может, и красивый. В общем, понятно, что дамский любимчик. Никогда ни на кого не повышал голос, со всеми здоровался, но ни на ком никогда не задерживал взгляда. Одевался стильно и очень дорого. В общем, по виду был похож скорее на актёра, чем на владельца подпольного бизнеса. Эдику он казался человеком из иного мира, с другой планеты, на которой сам он никогда не бывал и вряд ли когда доведется. Каково ему будет в его присутствии? Об этом Эдик думал по до-

роге в аэропорт, старательно объезжая места, на которых чаще всего скапливаются пробки. И хотя пандемия свирепствовала и народ не валил за границу толпами, как раньше, все равно на улицах стало посвободнее, хотя даже июнь еще не кончился и пик сезона еще не наступил. Чтобы не думать о том, как не опростоволоситься перед хозяином конторы, Эдик размышлял, куда теперь едут отдыхать люди. Наверное, на дачи разъезжаются, в родные деревни, на турбазы куда-нибудь. За границу стали ездить меньше, даже многие зарубежные авиарейсы, которые пользовались большим спросом, в этом году не запустили. Жизнь стала неприятно напряженная и вместе с тем скучная и какая-то безрадостная. С такими мыслями Эдик доехал, припарковался, стал ждать. Полкан о болезни водителя Биг-Босса, конечно же, предупредил, потому что шеф, подойдя к машине, не выказал никаких признаков удивления, вопросов задавать не стал. Просто кивнул и велел ехать.

Тем же вечером Эдик в мельчайших деталях вспоминал этот, казалось бы, ничем не примечательный маршрут. Да не просто вспоминал — разбирал по словам, междометиям и даже паузам. Биг-Босс кому-то звонил и отвечал на вызовы, коротко беседовал, на води-

теля никакого внимания не обращал. То есть нельзя сказать, чтобы хозяин открытым текстом говорил что-то не предназначенное для чужих ушей, но Эдик-то не дурак, смог прикинуть, что к чему. После какого-то милого щебетания и мурлыканья (видимо, с дамой или девушкой) Биг-Босс принял звонок от кого-то важного, это сразу чувствовалось по тону. Может, Эдик и не стал бы прислушиваться так уж внимательно, но хозяин сам вынудил — не просто поздоровался с говорившим, а назвал его по имени. Хотя если бы по имени, то Эдик ничего бы не понял, но в том-то и дело, что Биг-Босс назвал невидимого собеседника прозвищем.

— А, Тараканище, привет, рад слышать! — так начался тот самый разговор, который мог кардинально изменить Эдикину судьбу. И действительно изменил, но в тот момент Эдуард Погорелов даже не представлял себе, в какую сторону.

— Какая срочность? — скупой поинтересовался хозяин у своего собеседника. — А сколько? Как планировалось или больше? (Пауза.) Ну, это... мне нужно прикинуть, но думаю, что очень быстро не смогу (пауза). Потому что неожиданно. Это же требует определенной работы, договоренностей, мы же не печата-

ем, сам понимаешь (пауза). Ладно, я что-нибудь придумаю, но не так быстро. (Пауза.) Ладно, я переиграю с теми, кто может подождать. Адрес нам уже назвали, да я бывал у вас в тупичке (пауза). Не у тебя, у соседа твоего. Ладно, из уважения к тебе и твоему проценту. (Тихий смех.) Будь здоров, я что-то придумаю.

Потом Биг-Босс набрал невидимый Эдику номер и сказал:

— Ты в конторе? Я сейчас буду. Не уходи. Значит, перенеси. Тут нельзя отказывать, это очень выгодно. Да, новые условия.

Это он звонил Змее, автоматически подумал Эдик. Так в конторе прозвали начальницу по финансовой части. То есть в нормальной организации ее называли бы, наверное, финансовым директором, но в их конторе в таких должностях нужды не было и на дворях кабинетов таблички не висели. Поэтому эту мадам звали так, как ей больше всего подходило, — Змея. Она ведала всеми деньгами и, как многие женщины, работающие в этой сфере, характер имела такой, который в точности отражала данная ей кличка. Но дело, конечно, было не в Змее. К ее существованию Эдик относился как к неизбежному злу, а попыток изменить внешние, не зависящие от него обстоятельства он никогда не делал

за их очевидной бессмысленностью. По уху резануло обращение, которое употребил Биг-Босс. Наверняка он был уверен, что инкогнито собеседника полностью соблюдено, но ошибся. Эдик знал, какой человек имел кличку Тараканище. Это было прозвище, полученное еще в юности, когда совсем еще зеленый мальчишка стал носить пышные усы, чего никто в то время не делал — у продвинутой молодежи не было такой моды. Но Сергей Григорьевич Афонин с молодости на общепринятые модные тенденции плевал с высокой башни. И упорно носил усы, да не просто некие усики, а настоящие усищи. Богатые, пышные, в пол-лица. Оттуда и повелось. Близкие знакомые так и звали его до сих пор, когда наедине. Любовно, конечно, по-доброму. Откуда Эдик об этом знал? А очень просто. Его теперь уже бывшая любимая девушка Маринка работала в фирме Сергея Афолина. Сама себя она называла «полуюристом», потому что на третьем курсе вылетела из университета, а вуз, куда она определилась через пару лет на платное заочное обучение, пока не окончила. Почему Маринка не задержалась в универе, Эдик не знал, она уклончиво отвечала лишь, что «в тот момент жизнь ставила перед ней другие задачи». У Афолина она за-

нимала положение согласно своему статусу недоучки: работала с претензиями клиентов. Валандалась с жалобщиками, составляла по их заявлениям отчеты. Если дело решалось мирно, передавала его исполнителям по инстанции, если шло в суд — группе юристов. От Маринки Эдик и узнал про юношеское прозвище Афонина, который по достижении возраста и статуса усами стал гордиться еще больше, а прозвище не только не скрывал, но даже и сам когда-то на каком-то корпоративе, будучи навеселе, рассказал о нем ради шутки. От Маринки Эдик знал и о том, что на ее зарплатную карточку ежемесячно поступает одиннадцать тысяч рублей. Но ее общая зарплата составляла сорок тысяч, оставшуюся сумму она получала раз в месяц в конвертике.

Офис афонинской фирмы находился в уютном дворике, в тупичке, где стояли два совершенно одинаковых двухэтажных здания новой постройки, но отделанных под «классический ампир», соединенные между собой переходом на уровне второго этажа. Местоположение приятное — центр, да еще и с липами, на которые не успели покушаться другие градостроители. Единственный недостаток — отсутствие поблизости маршрутов общественного транспорта. До ближайшей